

Владимир Кунин

Путешествие на тот свет

ФТМ

Владимир Кунин
Путешествие на тот свет

«ФТМ»

2005

Кунин В. В.

Путешествие на тот свет / В. В. Кунин — «ФТМ», 2005

Сценарист-эмигрант Мартов много лет живет в Гамбурге спокойной жизнью пенсионера. Но случайное знакомство с заезжими ленинградцами, врачом круизного лайнера «Федор Достоевский» Тимуром и его женой, переводчицей Таней, заставляет его сорваться с места и облететь половину земного шара. Мартову предстоит во всех подробностях восстановить и описать историю рейса, чуть было не ставшего для «Достоевского» роковым. Пассажиры и команда лайнера – почти тысяча человек – и не подозревали, что их жизни поставлены на кон в тайной игре международного криминала.

© Кунин В. В., 2005

© ФТМ, 2005

Владимир Кунин

Путешествие на тот свет

© Текст. В. В. Кунин, наследники, 2020

© Агентство ФТМ, Лтд., 2020

* * *

Все это началось еще черт знает когда...

В те замечательные и навсегда оставшиеся в истории России советские времена, когда в результате заботливого и мудрого постановления партии и правительства во всей нашей необъятной родине – «...с южных гор до северных морей...» – очереди за водкой по своей протяженности обскакали знаменитые московские мавзолейные очереди, завивавшиеся мрачной гигантской анакондой по Красной площади – от входа в усыпальницу вождя мирового пролетариата и дальше, вдоль Кремлевской стены, аж до середины Александровского сада. А уже там хвост этой фальшиво-скорбной провинциальной рептилии терялся в чаще околоскромлевских дубрав и неподкупных милицейских нарядов того времени...

* * *

В этот эпохальный для всей страны год киносценарист Сергей Александрович Мартов сидел в сорока километрах от Ленинграда, на берегу Финского залива, в поселке Репино, среди песка и сосен, бесстрашных белок и осторожных ежей, в конце улочки с древним названием – Новая, в Доме творчества Союза кинематографистов СССР.

Сидел он на втором этаже в своей постоянной комнате номер тридцать два и лудил очередные поправки к своему очередному сценарию.

В этом ремесле Сергей Александрович был человеком опытным.

К моменту постановления о насильственном внедрении трезвого образа жизни в сознание советского человека по сценариям Сергея Александровича было уже сделано десятка полтора больших художественных фильмов и штук тридцать коротких документальных.

Все эти сценарии, а также две книжки и одна пьесочка (по собственному же киносценарию) были сочинены и написаны Мартовым именно в Репино, именно в этом Доме, именно в его тридцать втором номере. Он приезжал сюда ежегодно и сидел здесь безвылазно месяцев по пять. А то и больше.

Только один сценарий Мартов написал в Болшево – подмосковном Доме творчества. Ленинградско-Репинский был в том году на ремонте. В Болшево Мартов тосковал по Репино, и работа у него шла там тяжело, нудно и неповоротливо...

Картина по этому сценарию получилась более чем посредственной. Расхожее утешение любого драматурга, что, дескать, «в начале было слово...» и это «слово» просто бездарно прочтено режиссером-постановщиком, не убергло от обид и унижений, которыми Мартов сам себя накрутил до отказа. Это он умел делать превосходно.

Уже после выхода картины на экран Мартов как-то перечитал тот свой подмосковный сценарий и понял – сочиненьице-то слабенькое.

«В неволе – не размножаюсь, – подумал тогда Мартов. – Носа из Репино больше не высуну!» И с тех пор даже для «Мосфильма» сочинял сценарии только в ленинградском Доме творчества. В Репино.

Летом прикармливал знакомую отважную белку Фросю, которая нахально прыгала к нему на балкон с близко нависающей ветки дерева и лопала прямо у него с рук, а зимой, на свою

беду, приваживал банду наглых и вороватых синиц. Синицам было глубоко наплевать на стук пишущей машинки, они ни черта не боялись, влетали через открытую форточку в комнату, склевывали все, что было съедобным, тырили и раздербанивали сигареты, а иногда и какали на рукопись, совершенно не смущаясь присутствием ее автора.

Мартову было сорок семь. Когда-то он женился на Юленьке Кошич – молоденькой балерине из Малого оперного театра. А спустя несколько лет, в киноэкспедиции на Алтае, где снималась картина по его сценарию, закрутил сумасшедший роман с одной польской актрисой и, вернувшись в Ленинград, во всем признался жене.

– Так будет честнее, – сказал тогда Мартов, внутренне восхищаясь собственной порядочностью. – Квартиру я, естественно, оставляю тебе, а машину... Не возражаешь?

– Ну о чем ты говоришь! – всхлипнула Юленька.

Речь шла о последней модели сорокatreхсильного «запорожца», который по тем временам в небогатых кинематографических кругах имел статус сегодняшнего, прямо скажем, не самого дорогого «мерседеса».

Развод прошел тихо и элегантно, без взаимных претензий и имущественных споров, под нескрываемые симпатии всего состава народного суда Выборгского района города Ленинграда.

Спустя пару недель Юленька уехала с театром на гастроли во Францию, да там и осталась. Навсегда.

Жгучий роман Мартова с польской актрисой как-то иссяк сам по себе и мягко растворился в повседневной житейской суете. Тем более что сразу после Юленькиного побега последовал категорический запрет «компетентных органов» на любые зарубежные поездки бывшего мужа бывшей артистки Малого театра Кошич Ю. И. – уважаемого члена Союза кинематографистов и Союза писателей СССР, лауреата Государственной премии, кинодраматурга Мартова С. А.

Года через три титаническими усилиями двух творческих союзов этот запрет с Мартова был снят, и Сергей Александрович снова стал ездить во всякие заграницы, но с тех пор, да и в дальнейшем, ни разу не испытал даже малейшего желания хоть как-то изменить свое личное существование. Разве что поменял «запорожец» на «жигули» третьей модели. А спустя еще пару лет пересел на «девятку». Вот и все перемены.

Время от времени около него возникали разные молоденькие барышни студенческого размера, и тогда главным для Мартова было уследить за тем, чтобы эти девицы достигали нормального половозрелого-«употребительного» возраста, а не уголовно-наказуемого, щенячьего. Ибо бурная акселерация последних двух десятилетий прошлого века могла ввести в заблуждение даже очень опытного ходока...

* * *

Итак, представлен наш первый Персонаж того далекого времени – сорокасемилетний, бездетный, холостой и достаточно преуспевающий кинодраматург Сергей Александрович Мартов.

Все по науке. Одновременно с представлением Персонажа начальной части этой истории...

...обозначено и Время Действия. Тогдашняя Эпоха: незабываемый государев указ о вреде пьянства, сразу же давший советскому народу грандиозный скачок благосостояния за счет резкого увеличения производства сивушного самогона во всех регионах нашей необъятной родины. Теперь его изготовлением счастливо занимались все слои советского общества – от вечно пьяных кочегаров пригородных котельных до умеренно пьющих действительных членов Академии наук. Причем академики гнали самогон намного качественнее, чем это делали кочегары...

По тем же незыблемым канонам сюжетосложения названо и Место Действия начала этой истории – бывший финский курорт Куоккала, с 1939 года переименованный в советский поселок Репино. Улица Новая, 2, Дом творчества Ленинградского отделения Союза кинематографистов СССР, второй этаж, в конец коридора, комната № 32...

...где за пишущей машинкой сидел киносценарист Сергей Александрович Мартов и покорно «обозначал» переделки ряда незначительных сцен второго варианта своего сценария, вызвавшего некоторое недовольство в рядах бдительной редакции.

«Вы просите песен? Их есть у меня!» Вам нужны поправки к сценарию? А мне нужны деньги – пятнадцать процентов от договорной суммы, причитающиеся автору после принятия второго варианта. А уж если повезет и второй вариант примут как окончательный, и Госкино его утвердит, – то позвольте и окончательный расчетик получить. Тогда я на вас вообще болт забил!.. Вот мы в этой сценочке сейчас поменяем «Здрассте!» на «Здрассте вам с кисточкой!!!», перенесем действие из интерьера на натуру и будем считать, что эпизодик в корне переделан. Согласитесь, что в нем возникло совершенно иное звучание! Неужели сами не видите?..

Раздался стук в дверь. Мартов с удовольствием отодвинулся от письменного стола, потянулся и крикнул:

– Да, да! Входите!..

Дверь распахнулась. В проеме стоял сорокалетний крепыш, бывший военный моряк, ныне коммерческий директор какого-то очень крупного предприятия – Петя Каретников.

Никакого отношения к кинематографу Петя не имел, но был всегда и всем нужен и никому никогда ни в чем не отказывал. А мог Петя многое. И телефон поставить вне очереди, и с кооперативной квартиркой поспособствовать, и дубленочку прямо с базы получить, и осетринку горячего копчения, по его звонку, со стороны хоздвора Елисеевского вам вынесут...

Да что там осетринку! А скольким деятелям разных искусств Петя автомобильчики помог получить? Прямо из Горького или из Тольятти, с заводов. Как поговаривали, специальной экспортной сборки – с веберовскими карбюраторами, с мишленовской резиной...

Ну а уж когда весь актерский состав театра Товстоногова стараниями Пети Каретникова был автоторизован, то, сами понимаете, на всех недоступных для простого люда спектаклях, а уж тем более премьерных на лучших местах восседал Петр Васильевич Каретников с супругой или с какой другой, не менее достойной дамой...

Это тому золотому времени принадлежит острота Ефима Копеляна, сказавшего, что отныне первая сцена страны будет называться – «Драмкружок при гараже Большого драматического театра»...

Вот почему Петя Каретников всегда был желанным гостем во всех сурово закрытых домах творчества – писательском, кинематографическом, вэтэошном, куда могли попасть только лишь члены этих творческих союзов. Здесь его все знали, здесь он был со всеми знаком, а с рядом очень известных личностей из мира искусств (особенно с теми, кто никогда ничего у него не просил, – вроде Сергея Александровича Мартова) Петя Каретников искренне приятельствовал...

А еще Петя, помимо своей прямой работы, истово заседал в разных горкомовско-исполкомовских комиссиях, мило и ловко выкраивая для себя любимого кучу весьма ощутимых трофеев с боевых полей своей бурной общественно полезной деятельности...

– Мартов, обедать идешь? – спросил Петя, оставаясь в проеме двери.

– Заходи, не торчи в коридоре.

Мартов встал, открыл небольшой холодильник, вытащил оттуда полбутылки «Столичной»:

– Сейчас вот разомнемся по соточке и пойдем в харчевню. Очисти сырок плавленый и подели его по-братски. Закусим классикой жанра.

– Ты где обычно теперь водку берешь? – с интересом спросил Петя.

– Я ее обычно нигде не беру. Я ее покупаю в «Волне». Ресторанчик такой на берегу залива. Видел?

– Но там же дикая наценка! – с укором сказал бережливый Петя.

– А ты предлагаешь мне по несколько часов давиться в магазинных очередях? – спросил Мартов и разлил водку по стаканам. – Давай!

Петя поднял стакан, зачем-то посмотрел сквозь водку на свет и задумчиво проговорил:

– Знаешь, старик, хоть и говорится, что связями не делятся, но... Я тебе дам один телефончик, позвонишь, скажешь, что от меня, и отоваришься без всяких очередей и наценок. Есть у меня один типчик по этой части. Из управления торговли. Будь здоров...

Каретников недавно вернулся из какого-то полукругосветного плавания на каком-то роскошном круизном лайнере. За тяжкую и очень твердую валюту это советское судно возило гулять по свету не стесненных в средствах западных немцев и англичан.

Петя же попал туда бесплатно, «по своим наработанным связям» – через Балтийское морское пароходство, собственное таинственное предприятие и наверняка Комитет государственной безопасности. Он даже был вписан в судовую роль, как «дублер второго пассажирского помощника».

Вот уже несколько дней Мартов развесив уши слушал симпатичные и остроумные рассказы Каретникова об этом круизе, разглядывал фотографии, привезенные Петей из путешествия по морям и океанам.

– Жаль, что я этого всего не видел, – завистливо вздохнул Мартов. – Хорошее кино можно было бы сделать...

– Не бойсь, Мартов, – сказал Петя, аккуратно разрезая треугольный плавленый сырок на ровные половинки. – Я тебя сведу с одним писателем – своим бывшим сослуживцем, – он как раз на таких пассажирских судах черт-те сколько помполитом плавал – первым помощником. Он тебе про морские дела столько наговорит!

– Ты это о чем? – удивленно спросил Мартов, разливая остатки водки по стаканам.

– Вместе напишете киносценарий про такой круиз. Он жутко хочет в кино прорваться! Я уже пару его рассказов кое-куда пристроил. Сейчас он повесть заканчивает. Мне сказали, что он просто прирожденный прозаик!

– Пошел ты, Петя, знаешь куда... Во-первых, я никогда не берусь сочинять с чужих слов и про то, чего не знаю, а во-вторых, я вообще не умею писать в соавторстве. Давай, Петро, маханем остатки водяры и пойдем в столовку. А то уже без четверти три, обед кончается, а я как поддам – так супчику хочу до смерти! Будь здоров, Петюня...

«Ну, Петя – шустрила! Придет же такое в голову...»

Не хватало еще Мартову связываться с каким-то начинающим прозаиком. Мартов знал, что даже зубры советской романистики люто завидуют киносценаристам. Причина зависти четко поддавалась вскрытию при помощи всего двух самых примитивных арифметических действий – сложения и вычитания.

За семьдесят пять страниц сценария для полнометражного фильма киностудии платили от шести до восьми тысяч рублей. В зависимости от имени и заслуг сценариста. Когда же фильм выходил на экран, то сценаристу еще доплачивали и «потиражные» – примерно полтораста процентов от договорной суммы. А это еще минимум девять тысяч. А то и больше...

Итого за один сценарий – пятнадцать! При стоимости «запорожца» в три с половиной тысячи рублей этот гребаный сценарист за одну свою тощенькую рукопись мог купить сразу четыре «запорожца» или два с половиной «жигуленка»!

В издательствах же за роман в пятьсот машинописных страниц писателю платили от четырех до шести тысяч. Минус налоги, то, се, пятое, десятое, и что? Максимум – полтора «запорожца»...

Отсюда и завистливо-презрительное отношение братьев-писателей к наглецам-сценаристам. Презрение, дивным образом уживающееся с неукротимым желанием тех же прозаиков жадно прильнуть к этой омерзительной, сладко и зазывно пахнувшей кинокормушке...

Когда же такое все-таки случалось, почти всегда возникал скандал. Даже очень хорошие прозаики не умели писать киносценарии. Не умели мыслить экраном, не умели «монтажно» выстраивать сцену. Не понимали, что вместо длинного – в страницу, хорошо написанного, страстного монолога можно просто сплюнуть в сторону и это будет намного выразительнее и точнее...

Ну не могли братья-писатели уразуметь, что написание киносценария и сочинение романа – понятия абсолютно разные. Хотя и то и другое делается так называемыми литераторами. Это примерно то же самое, если попросить проктолога сделать офтальмологическую операцию – сменить в глазу помутневший хрусталик или снять катаракту. Вряд ли проктолог на это согласится. Если он, конечно, не полный идиот. А казалось бы – и тот врач, и этот...

Не могли они понять, что кино в то время приносило от восьмисот до тысячи двухсот процентов прибыли от затраченных на него средств. А посему гонорар автору сценария – жалкая капля в океане тех денег, которые потом киносценарист принесет в советскую казну своим тоненьким сочиненьцем в семьдесят пять страничек! Даже если картина в итоге окажется полным дерьмом...

– Слушай, Серега... А откуда у тебя такая редкая для русского человека фамилия – Мартов? – уже в столовой спросил Петя Каретников. – Не от тех Мартовых, ну... который... «левое крыло меньшевиков» и так далее? Или Мартов – твой псевдоним?

– Ты хочешь узнать – не еврей ли я? – ухмыльнулся Мартов.

– Да ну перестань!.. Как ты мог подумать?!

– Мартов действительно псевдоним. Только не мой, а того меньшевика, ярого противника Великой Октябрьской и «красного террора» – Юлия Осиповича Цедербаума. Это ты знал?

– Естественно! – Петя был хорошо образованным членом партии с интеллигентными предками.

– Ну конечно! Чего это я спрашиваю?.. – рассмеялся Мартов. – Так вот, помер он, бедняга, где то за бугром в двадцать третьем... А мы, Петро, Мартовы исконно-посконные. Дед по отцу – протоиерей был, настоятель храма в Рыбинске. За что его с колоколенки и спихнули в девятнадцатом. Мамочка покойная – ярославско-купеческих кровей... А у тебя какие-то претензии к иноверцам?

Петя тонко и почти искренне сыграл возмущение:

– Прекрати сейчас же! Да у меня почти половина друзей... Я, к примеру, в этом круизе познакомился с одним совершенно потрясающим мужиком – главный доктор судна Витя Раппопорт... Виктор Семенович. Двадцать лет плавает! Я ему вот просто завтра же позвоню! Он придет – ты увидишь. Судно сейчас в Бремерхафене на ремонте, а он в Ленинграде мается. Рейса ждет... Мужик, каких поискать! – Тут Петя на мгновение забыл о своем радужном интернационализме и по запарке добавил: – Хоть и еврей.

* * *

Приезд в Репино «потрясающего мужика» доктора Вити Раппопорта сыграл серьезную роль в дальнейших событиях.

Накануне его визита Мартов смотался к заливу в ресторан, закупил бутылку «Столичной» с расплывшимся чернильным штампом на этикетке – «Ресторан „Волна“» и выпросил у знакомого шеф-повара полстакана красной икры. Для представительства. Чтобы не ударить в грязь лицом перед главным врачом круизного лайнера.

– Я тебе буду что-то должен? – деловито спросил Петя, показывая на водку и граненый стакан с икрой. – Могу упасть в долю.

– Да бог с тобой... – поморщился Мартов.

– Хорошо, – быстро согласился Каретников. – Тогда я немного финской колбаски при-тащу и баночку крабов. У вас в Союзе писателей продовольственные заказы дают?

– А хрен его знает... Наверно, дают.

– Почему же ты не получаешь? Ты же член...

– Член, член. Но, во-первых, я один. Как говорится, «...ни любви, ни тоски, ни жалости – даже курского соловья...» А во-вторых, я же почти всегда здесь – в Репино, на всем готовом. На кой мне хрен за сто верст киселя хлебать?

– А в Союзе кинематографистов такие продуктовые заказы есть?

– Понятия не имею, – сказал Мартов. – Ты, Петя, давай вали на станцию, встречай своего доктора, а я схожу на кухню, попрошу девок приготовить чего-нибудь вкусенького...

* * *

С подачи уважаемого в широких деловых кругах человека – Петра Петровича Каретникова – водоплавающий доктор Виктор Раппопорт приготовился к знакомству с известным сухопутным киносценаристом Сергеем Мартовым самым серьезным образом.

Из старого, потертого и неподъемного докторского портфеля под нервный смешок Каретникова были извлечены почти фантастические по тому времени бутылка шотландского виски «Лонг Джон», бутылка английского джина «Бифитер», французский коньяк «Наполеон» и литровая емкость советской экспортной водки «Золотое кольцо».

К алкогольному параду прилагались два лимона и поразительная по своей красоте квадратная банка испанской консервированной ветчины. Последним и ударным номером в этом санта-клаусовском представлении была стеклянная баночка черной зернистой икры иранского происхождения!..

– О черт!.. – тихо проговорил Мартов, глядя на все эти роскошества. – А я тут со своим жалким пузырем «Столичной»...

– Так прекрасно же, Сергей Александрович! – радостно воскликнул доктор Раппопорт. – Все равно не хватит! Поверьте опыту.

И оказался прав.

* * *

...Трехдневный загул в Доме творчества проходил «под большое декольте»!

В комнате номер тридцать два накурено было так, что при полностью включенном освещении в туалет нужно было перемещаться на ощупь.

Время от времени безвылазная пьянка комнатного разлива перемежалась периодическими и нетвердыми походами к берегу Финского залива в ресторан «Волна», массовой закупкой «Столичной» с чернильными штемпелями на этикетках, душераздирающим хорovým исполнением старых песен типа «Гремя огнем, сверкая блеском стали...» и «От Москвы до Бреста нет такого места...», а также разными мелкими безумствами в виде попыток подледного плавания брассом в замерзшем заливе и настойчивыми телефонными призывами каких-то барышень быстрого употребления...

И замечательными рассказами Виктора Семеновича Раппопорта о морском житье-бытье, о дальних странах, об островах и штормах, о печальной и постыдной необходимости советских морячков торговать заграничным ширпотребовским барахлом – иначе не проживешь.

Об обязательных презентиках и взятках в Балтийском пароходстве... О стукачестве, возведенном в категорию доблести и служебного роста... О пустяковой и трусливой контрабанде судовой команды – от мала до велика... И о массовом воровстве ни черта не боящихся береговых флотских начальников.

...В конце третьих суток, когда тайфун загула явно пошел на убыль из-за полного отсутствия каких-либо денег и физических сил, Петя Каретников могучим волевым напором «потянул одеяло на себя». Он заявил, что сейчас подгонит свою машину и отвезет Виктора Семеновича Раппопорта в Ленинград к его постоянному и трезвому месту жительства. Сдаст Витю жене и снова вернется в Репино. Где уже без малейшей капли алкоголя, просто под столовский супчик, они спокойно обсудят возможности Сережи Мартова попасть в такой вот круиз для создания киносценария о работе нашего советского лайнера в чуждых ему капиталистических водах Мирового океана...

Раппопорт и Мартов переглянулись, не сообразили, о чем это так бодро вещает Петя, и только спросили – не боится ли видный ленинградский деятель Петр Васильевич Каретников садиться за руль после такой замечательной трехсуточной гомерической пьянки?

– Для меня – двухсуточной, – спокойно поправил их Петя. – Со второй половины вчерашнего дня я капли в рот не брал.

Мартов и Раппопорт взгляделись в Петю и поняли, что тот глаголет святую правду. В отличие от Виктора Семеновича и Сергея Александровича Петр Васильевич Каретников был чисто выбрит, свеж, бодр и весело напорист.

– Какого же хрена ты вчера вечером вместе с нами валялся в снегу и вопил: «От Москвы до Бреста нет такого места...»? – плохо соображая, спросил тяжело похмельный Мартов.

– Да... почему? – с заметным усилием произнес все еще сильно нетрезвый морской доктор Витя Раппопорт.

На что Петя обаятельно улыбнулся и ответил им легко и незатейливо:

– С волками жить – по-волчьи... Что?

Когда Каретников благополучно отвез доктора Витю в Ленинград и вернулся в Репино, он разбудил спавшего мертвецким сном Мартова и рассказал ему, о чем они с ним – с Мартовым, оказывается, договорились за эти последние три дня.

Из давней симпатии к творчеству Сергея Александровича Мартова Каретников, как бывший профессиональный моряк, а ныне – человек с неограниченными связями, будет поставлять Мартову материал и консультантов. У него уйма знакомых капитанов дальнего плавания, и они могут порассказать Мартову столько, что тому покажется, будто он сам по морям, по волнам обогнул весь земной шар раз двести... И Мартову останутся пустяки – всего лишь свести все это в одну сюжетную историю, которая и ляжет в основу сценария. Кроме всего, какое-то время превосходным консультантом может быть и Витя Раппопорт! Он все равно будет болтаться в Ленинграде еще месяц в ожидании своего очередного рейса. Тем более что они с Мартовым так понравились друг другу...

Это – раз. Второе. Еще до появления доктора Раппопорта в Репино Мартов заявил, что он никогда не будет писать о том, чего сам не видел. И Петя такую принципиальную позицию очень даже уважает.

Поэтому сейчас Мартов набросает только трехстраничную заявку на киносценарий, чтобы у «Ленфильма» были все основания заключить с ним договор. Завтра же Мартов берет в двух творческих союзах – писательском и киношном – рекомендательные письма для Бал-

тийского морского пароходства, а Каретников договаривается там с кем надо, чтобы в один из таких круизных рейсов (за бесплатно – на халяву) пошел бы известный киносценарист, лауреат Государственной премии, автор таких-то и таких-то фильмов – Сергей Александрович Мартов!

Тогда он своими глазами увидит все то, что увидел на таком судне Петя Каретников, и многое из того, о чем рассказывал ему Витя Раппопорт. И, вернувшись из круиза, напишет замечательный киносценарий!

Да, кстати!.. Виктор Семенович Раппопорт может вот еще где пригодиться: чтобы отправиться в плавание, Мартову все равно придется проходить медицинскую комиссию на Фонтанке, в лечебном центре Балтийского морского пароходства... Обязательное условие для получения загранпаспорта моряка. А у Вити в этом центре все схвачено. Как говорится, без проблем.

Но вот тут в травмированном трехсуточной поддачей мозгу Сергея Александровича Мартова возникло слабое подобие целой бури противоречивых чувств.

Он всегда-то не переваривал тщательно выстроенные планы, папахивающие элементарным, расчетливым торгашеством. А уж после такой глобальной пьянки, когда внутри измученного алкоголем организма все дребезжит и умоляет о немедленной опохмелке, стратегически четкая разработка П. Каретникова проникновения С. Мартова на круизное судно показалась ему несвоевременной и отвратительной. Как он, сукин кот, вообще смеет предлагать ему, Мартову, подобное?! В смысле – халявный круиз на их говняном лайнере...

Стоп, стоп, стоп!.. «Ямщик, не гони лошадей... Нам некуда больше спешить...»

И вот так – каждый раз. Как только Мартов в какой-либо ситуации, требующей от него сурового и принципиального решения, начинает надувать щеки и гордо выпячивать грудку, выясняется, что сам он уязвим не меньше тех, в кого направлены его справедливые и высоко-нравственные стрелы.

Ну не получается, как в старом анекдоте: «вокруг все в дерьме, а Сергей Александрович Мартов – весь в белом...» А все почему? Во-первых, как всегда, – система, а во-вторых – слаб человек. И этому слабому человеку сейчас жутко хочется в кругосветное путешествие! По чужим морям и океанам в далекие города и страны, а вокруг иноземная речь, пальмы и золотая текила на раскаленном берегу, а на корабле вечерние коктейли, зовущие глаза молодых женщин...

Воображение, резко истощенное алкоголем, рисовало Мартову этих женщин только в двух вариантах: или почему-то лишь в каком-то танцевальном салоне, в длинных скользящих платьях, или – полутемная каюта, за иллюминатором плеск волны, полураздетая барышня, высокие каблукы, чулочки, кружавчики там разные... И все! И понеслась по проселочной!..

Но для того чтобы примитивные подростковые видения сорокасемилетнего Мартова стали осязаемой реальностью, другого пути попасть на это валютное судно, кроме того, который рассчитал и предложил Петя Каретников, не было.

– Выпить нету?.. – хрипло и неуверенно спросил Мартов.

– Обижаешь, начальник! – победительно хохотнул Петя и вытащил из кармана куртки «маленькую».

* * *

Спустя две недели сценарная заявка была написана.

Художественный совет одного из творческих объединений киностудии «Ленфильм» эту заявку принял, и с Мартовым был заключен договор на написание киносценария для полнометражного художественного фильма под условным названием «Обыкновенный круиз».

Мало того, ему даже был выплачен аванс, который Мартов достаточно быстро прогулял вместе с Петей Каретниковым и его приятелями дальнего плавания.

Петя пахал не покладая рук: он таскал к Мартову в Репино знакомых капитанов, первых помощников, штурманов, главных судовых механиков. Мартов принимал всех этих водоплавающих в своем тридцать втором номере Дома творчества Союза кинематографистов.

Отлично одетые мужики с простоватыми и умными физиономиями приезжали в Репино уже «затаренными» – каждый примерно с таким же представительско-джентльменским набором, с каким впервые заявился к Мартову и Виктор Семенович Раппопорт.

Морские мужики дальнего плавания умеренно и с любопытством выпивали с Мартовым и Каретниковым и со слегка отстраненной осторожностью отвечали Сергею Александровичу на все его заранее заготовленные вопросы.

Эти игры «спрашивайте – отвечаем» Мартов беззастенчиво выстраивал по точной схеме сэра Артура Конан Дойла, у которого «доктор Ватсон сознательно задавал idiotские вопросы мистеру Шерлоку Холмсу, чтобы тот мог на них умно отвечать».

Одновременно с вот таким, пока теоретическим, погружением Мартова в неизвестный ему материал шла и чисто организационно-административная работа – подготовка киносценариста Сергея Александровича Мартова к выходу в заграничные моря и океаны. Тут Петя Каретников просто превзошел самого себя!

Стандартные письма Союза писателей и Союза кинематографистов с просьбами «... разрешить Мартову С. А., лауреату... заслуженному деятелю... одному из ведущих кинодраматургов... быть зачисленным в состав экипажа такого-то судна для изучения тяжелого и благородного труда советских моряков и последующего написания киносценария, который ляжет в основу будущего фильма...» стараниями Пети Каретникова попали в нужные решающие руки хозяев Балтийского морского пароходства и, возможно, других организаций, которые отвечали за чистоту рядов советских граждан, стремящихся за любые границы своей родины...

Одновременно с движением писем по административной спирали Сергей Александрович Мартов при помощи Виктора Семеновича Раппопорта прошел необходимую медицинскую комиссию и получил добро на выход в море.

Остались пустяки – формальное собеседование в обкоме партии, получение «паспорта моряка» и представление капитану судна. И как можно тщательнее подготовиться к трехмесячному плаванию по доброй половине акватории земного шара. А уж там-то!..

А море Черное, курорт и пляж,
Там жизнь привольная чарует нас...
Там море синее, морская гладь,
Тебя так часто я там буду вспоминать... –

время от времени теперь мурлыкал Сергей Александрович.

Других морских песен Мартов не знал, а эту сладкую, щемящую, пахнущую магнолиями песенку привез несколько лет тому назад из Гагр, поразившись отважной и неординарной поэтической находке зарифмовать «пляж» и «нас».

* * *

Через три недели непрерывной деловой гульбы с капитанами Мартову позвонили из иностранной комиссии Союза писателей и сообщили, что в получении «паспорта моряка» ему отказано.

– Кем? – спросил Мартов.

– Не знаем. Кажется, обкомом.

Беспартийный Мартов пришел в ярость и по совету знающих людей отправил большое возмущенное заказное письмо в Центральный комитет Коммунистической партии Советского Союза.

Скорее всего, это письмо не успело выйти даже за пределы Ленинградской области. Так как дня через четыре Мартова уже вызвали в областной комитет партии к инструктору обкома с фельетонно-искусственной фамилией Исправников.

Мартов надел костюм, повязал галстук, который никогда не носил, а на лацкан пиджака нацепил золотую медаль лауреата Государственной премии, предназначавшуюся в основном для соращения половозрелых барышень.

Исправников оказался инструктором, прямо скажем, невысокого полета. Он сидел третьим в большой и светлой общей комнате Смольного. Что, как ни странно, к стыду Мартова, еще более усилило его обиду. На мгновение ему показалось, что он достоин разговора с более высоким партначальником и в отдельном кабинете...

Потом, еще много лет, его буквально передергивало от омерзения, когда он вспоминал себя в тот момент – в галстук, с медалью на пиджаке, огорченного тем, что его, Мартова, приняли на ранг ниже, чем он есть на самом деле!

На столе Исправникова лежало проштемпелеванное письмо Сергея Александровича в Центральный комитет КПСС. Какие-то строчки (Мартов никак не мог разобрать какие) были аккуратно подчеркнуты тонким красным фломастером.

Не поднимая глаз от стола, Исправников задушевно объяснил Мартову, что отказано ему в такой долгой и дальней командировке лишь в силу искренней заботы партии и правительства о его драгоценном здоровье.

Дескать, у вас, Сергей Александрович, уже была одна операция на правой почке – камушки оттуда добывали... А вдруг и левая почечка камень начнет исторгать? Да еще в открытом море!.. А он у вас там есть. Камень. В левой почке. Что тогда? Знаете, сколько стоит такая операция за границей? Валютой!

– Откуда это вам все про мои почки известно? – с ненавистью спросил Мартов.

И тут впервые Исправников поднял на него глаза и негромко, тоном участкового, прерзительно и отчетливо произнес:

– Положено.

* * *

Сергей Александрович Мартов закрылся на три месяца в своем любимом тридцать втором номере репинского Дома творчества и написал другой сценарий. За счет чего и погасил авансовый долг по несостоявшемуся «Обыкновенному круизу».

Сдал сценарий художественному совету студии, сел за баранку своего автомобиля и надолго уехал в Керчь, в мосфильмовскую киноэкспедицию, где снималась картина по его сценарию и по ходу съемок режиссеру были необходимы кое-какие сценарные переделки.

* * *

...А потом настали и вовсе другие времена.

В Западной Германии была издана книга коротких повестей Сергея Мартова. На самом деле это были его обычные киносценарии, написанные упругой, емкой и лаконичной прозой, как писали тогда почти все приличные сценаристы одной шестой части мира, обозначенной на советских географических картах красным цветом.

На Западе книга имела хорошую и шумную прессу – она попала в тот самый переломный момент, когда Европа ждала вывода советских войск из Германии и все русское было притяга-

тельно и похвально. Под этот всеобщий прилив доброжелательности немецкий издатель сумел продать книгу Мартова в два десятка стран, где ее перевели на все мыслимые языки.

Издатель прислал Мартову приглашение в Гамбург на так называемые публичные чтения, и Сергея Александровича неожиданно легко отпустили в эту поездку. Что-то за это время, видимо, все-таки изменилось. Приоткрылись некогда наглухо запертые створки, многое перестало быть «государственным»; рассеялось казавшееся незыблемым; где-то растворились Исправниковы...

Кстати! А ведь прав был тогда этот инструктор обкома с фельетонной фамилией, проявив глубокую урологическую осведомленность: пошел-таки камень у Мартова из левой почки! И именно за границей! Да с такой чудовищной почечной коликой, что Сергея Александровича прямо с какого-то его очередного выразительного «чтения» под тоскливый и монотонный немецкий перевод отправили в знаменитую университетскую клинику, почти в бессознательном состоянии от болевого шока.

Но в одном верный боец партии товарищ Исправников тогда ошибся – он пророчил Мартову, что это произойдет с ним через месяц после разговора в обкоме и в открытом суровом море-океане. А случилось это только лишь через четыре года на замечательной северогерманской суше.

И еще. Говоря о том, каких огромных валютных денег может стоить такая операция за границей, товарищ Исправников даже и вообразить себе не мог, что это может стоить ТАК дорого!

Правда, все расходы по операции и пребыванию Мартова в клинике на себя любезно взяла организация под нескончаемо длинным названием – «VERWELTUNGSGESELLSCHAFT WORT». Или сокращенно «VG WORT». Что-то вроде советско-российского «Управления по охране авторских прав»...

* * *

С тех пор вот уже двенадцать лет Сергей Александрович постоянно живет в Гамбурге.

* * *

Живет холостяком, с каждым годом все чаще и чаще меняя приятельниц. И чем Мартов становится старше, тем его барышни оказываются все моложе и моложе...

С российско-эмигрантской диаспорой Сергей Александрович почти не общается. Нет времени. Да и желания... Пишет книжки. Издался уже во многих странах на самых разных языках.

Заканчивает книгу, отправляет ее в издательство и на пару месяцев улетает куда-нибудь из Гамбурга. То в Калифорнию, где у Мартова полно друзей, а оттуда на Гавайские острова, то в Испанию – в привычное местечко Ла-Мата, под Аликанте... Или в Париж, к Лильке Хохловой и ее сыну Андрюше Гуревичу – вдове и пасынку своего покойного корешка кинооператора Саши Чечулина, который снимал несколько картин по сценариям Мартова. А то и просто в Нью-Йорк, к старому другу, знаменитому Георгию Вайнеру, одному из братьев Вайнеров – основоположников советского детектива хорошего интеллигентного писательского качества...

Дважды в год Мартов прилетает недельки на две, на три в Москву или Петербург, заключает договор с каким-нибудь издательством или продюсерской кинокомпанией и снова улетает в Гамбург – сочинять и отписываться. Как когда-то уезжал в Репино.

На вопросы журналистов, желающих взять у Сергея Александровича интервью (а таких с каждым годом становится все меньше и меньше...), – почему Мартов живет в Германии,

Сергей Александрович иронично-кокетливо выдает за экспромт давно придуманную остроту, говоря, что Гамбург – это его последний Дом творчества...

* * *

А пару лет тому назад у бензозаправочной станции «Ага!», неподалеку от дома, в котором он уже одиннадцатый год снимал небольшую двухкомнатную квартирку, Мартов познакомился с двумя заезжими ленинградцами.

Был поздний холодный осенний вечер.

«Тойота» с российско-петербургскими регистрационными номерами стояла в стороне от бензиновых колонок, а ее хозяйка внимательно всматривалась в карту Гамбурга, разложенную на капоте машины, и время от времени оглядывались по сторонам, чтобы понять, где они находятся.

Женщине было не больше тридцати двух – тридцати пяти, мужчина лет на восемь постарше. Джинсы, кроссовки... На ней – дорогая теплая парка с капюшоном, отороченным мехом норки, на мужчине поверх свитера крупной вязки – выдавшая виды старая кожаная куртка.

Мартов поставил свою гамбургскую «мазду» рядом с питерской «тойотой», заглушил двигатель и вылез из теплой машины на промозглый ветерок. И негромко по-русски спросил петербургских тойотовладельцев:

– Помочь? На правах общей симпатии к японским автомобилям.

* * *

Мужчину звали Тимур Петрович Ивлев. Он был судовым врачом какого-то русского пассажирского судна. Его жена Таня на этом же корабле служила переводчиком. С английского и немецкого. Но немецкий язык для Тани был основным.

В Гамбург их пригласил в гости один старый потомственный немецкий доктор – владелец небольшой наследственной частной хирургической клиники. Несколько лет тому назад они познакомились и подружились с ним в одном из рейсов их судна, которое совершало этакое «полукругосветное» туристическое путешествие с несколькими сотнями немецких и английских пассажиров на борту.

В прошлом году, именно в это же самое осенне-штормящее время, когда судно стояло в Швеции, в тралборгских ремонтных доках, на очередной профилактике и почти вся команда в количестве трехсот человек (за исключением десятка инженеров и техников) была отпущена в плановый отпуск, немецкий старик доктор гостил у Ивлевых в Санкт-Петербурге.

В этом году, в такое же мертвое предзимнеотпускное время, Ивлевы своим ходом – на собственном автомобиле – приехали на пару недель в Мюнхен.

Сейчас они возвращались из Ганновера. Тане очень хотелось побывать на знаменитой Ганноверской выставке... Старик поехать с ними не мог – слегка прихворнул, вот они без него и заблудились.

– Выехали из Гамбурга по одной дороге... – сказал Тимур.

– ...а вернулись совсем по другой! – закончила за него Таня.

– Наверное, где-то проворонили съезд с автобана и въехали в город совершенно с другой стороны.

– Ничего страшного, – улыбнулся Сергей Александрович. – Называйте адрес.

– Розенштрассе, семь. Это в самом центре, – сказала Таня.

– Рядом с Ратхаузом... – добавил Тимур.

– Да знаю я, где эта Розенштрассе, – улыбнулся Мартов. – Садитесь в свою машину и поезжайте за мной. А я постараюсь поаккуратнее двигаться, чтобы вы меня в темноте не потеряли.

Тимур и Таня воспротивились:

– Что же это мы вас так напрягать будем, Сергей Александрович! Ну неловко же, ей-богу... Вы нам только покажите по карте, а уж потом мы сами как-нибудь выгребемся.

– Дольше объяснять и показывать, – рассмеялся Мартов. – Садитесь, садитесь в свою «тойоточку»...

* * *

Потом совсем не по-немецки, а совершенно по-русски до начала третьего ночи сидели вчетвером на Розенштрассе в огромной прекрасной квартире старого хирурга, доктора медицины Зигфрида Вольфа.

Приканчивали литровую бутылку двенадцатилетнего «Чиваса», за которой Мартов, собственно, и заезжал на автозаправочную станцию, так как все магазины к тому времени уже были закрыты. Благодаря чему случай и свел его – поначалу с Ивлевыми, а позднее и с доктором Вольфом.

Разговор шел вперемешку на трех языках: с Мартовым Тимур и Таня говорили по-русски, с Вольфом Тимур разговаривал по-английски, Мартов на своем среднем немецком пытался поддерживать светскую беседу с хозяином дома, а Таня почти синхронно, очень вовремя помогала им сохранять живость непринужденной беседы...

Выяснилось, что Таня и Тимур плавают на «Федоре Достоевском», где когда-то в одном из круизов и познакомились с доктором Зигфридом Вольфом, пребывавшем в то время на борту русского судна в качестве немецкого пассажира.

– Погодите, погодите! – воскликнул Мартов. – Но на «Достоевском» главным доктором был Витя Раппопорт!.. Он, помню, даже ко мне в Репино приезжал...

– Ну что вы, Сергей Александрович! Виктор Семенович еще в девяностом ушел из пароходства, когда все только начало разваливаться, – улыбнулся Тимур Ивлев. – Теперь на «Достоевском» я служу...

– Господи... Вот ведь как в жизни бывает, – вздохнул Мартов.

Это оказался тот самый круизный лайнер, куда почти полтора десятка лет тому назад Ленинградский обком партии так и не пустил лауреата Государственной премии, заслуженного деятеля искусств, члена Союза писателей и члена Союза кинематографистов СССР Сергея Александровича Мартова в трехмесячное плавание для сбора материала к киносценарию «об отважной и благородной работе советских моряков международного пассажирского флота»...

Правда, и Таня, и Тимур появились на этом судне значительно позже, спустя несколько лет после того исторического решения партии, но тем не менее общность темы очень оживила новое гамбургское знакомство, вылившееся в обычную ленинградско-московскую ночную посиделку. Тем более что рейс, в котором Таня и Тимур познакомились и подружились со старым немецким хирургом, был для них более чем памятным и, не боясь пышности выражения, чрезвычайно знаменательным для всех троих...

Ибо этот рейс коренным образом отличался от всех предыдущих, да и последующих круизных рейсов.

И так уж получилось, что Сергей Александрович Мартов, прихлебывая виски, с усмешкой, достаточно иронично, поведал Тане, Тимуру и доктору Вольфу историю давних лет – своей неудачной попытки совершить круиз на легендарном тогда «Федоре Достоевском».

А доктор Вольф, Таня и Тимур, в свою очередь, нещадно перебивая друг друга, рассказали Мартову про тот самый чрезвычайный рейс, который доктор Зигфрид Вольф очень образно назвал «путешествием на тот свет».

Может быть, по-немецки фраза доктора звучала менее роскошно, но Таня так уж перевела слова Вольфа на русский.

Сергей Александрович выслушал эту историю с таким нескрываемым волнением и любопытством, что вдруг неожиданно встрепенулся, словно старая, застоявшаяся в деннике боевая кавалерийская лошадь, внезапно услышавшая резкий призывный раскат нервной распевной команды эскадронного трубача!..

«Вот из чего, черт подери, нужно делать сценарий!!! – завертелось в голове у Мартова. – Вот что могло стать бы настоящим кино!.. И название-то какое шикарное!.. Правда, слегка излишне претенциозное, зато, по сегодняшним рыночным меркам, очень даже кассовое – „Путешествие на тот свет“...»

* * *

Наверное, не очень крупным и примечательным событием будет псевдофилософское открытие стареющего человека, что с возрастом время так пугающе увеличивает скорость проживания, а каждый промелькнувший день твоего земного существования, каждый промчавшийся галопом час твоего бытия, каждая сверкнувшая и пролетевшая мимо «твоя» минута неумолимо становятся все дороже и дороже. Скорость исчезновения их в вечности катастрофически увеличивает стоимость следующих дней, часов и минут!.. И никаких твоих жизненных сил и накоплений явно не хватает для того, чтобы побороть эту чудовищную и неотвратимую инфляцию! Как бы ты ни надувал щеки и ни изнурял себя утренними зарядками, пробежками трусцой, бассейном, диетами и нетяжелыми гантелями.

И все-таки, и все-таки...

* * *

Больше полугода, почти семь драгоценнейших месяцев своей уже немолодой шестидесятидвухлетней жизни, истратил Сергей Александрович Мартов на то, чтобы по крохам, разбросанным по всему миру, собрать сведения и подробности о том самом круизном рейсе, о котором ему так живописно рассказали Таня и Тимур Ивлевы и старый немец – доктор медицины Зигфрид Вольф.

Но Таня и Тимур, да и доктор Вольф (еще в меньшей степени, чем Тимур и Таня), смогли поведать Мартову всего лишь внешнюю оболочку происшествия того незабываемого рейса, где они все трое в какой-то степени были участниками и свидетелями событий, происходивших тогда на борту лайнера...

А Мартову было чрезвычайно важно понять, что же в то время творилось, как говорится, «за бортом» круизного судна! То, чего ну никак не могли знать ни шестьсот англо-германских пассажиров, ни триста человек русской команды «Федора Достоевского»!

Свое собственное расследование Сергей Александрович начал, как и водится теперь, с интернета, который, как ни странно, ни в коей мере не оправдал его ожиданий и надежд. Было десятка два сообщений о том, что произошло несколько лет тому назад с русским теплоходом «Федор Достоевский» у берегов Новой Зеландии, но сообщения эти были столь невразумительны и разноречивы, что всерьез принимать их во внимание было бы неппростительной ошибкой.

Нужен был контакт с людьми, которые непосредственно занимались тогда этим делом, – членами каких-нибудь экспертных комиссий по различным морским происшествиям, руководителями круизных фирм, которые фрахтовали русское судно, Интерполом, в конце концов...

Кто-то же этим происшествием занимался вплотную?! И захотят ли эти люди разговаривать с ним – с Мартовым? С частным лицом, литератором, который представляет всего лишь самого себя.

В давние советские времена в таких случаях можно было бы сотворить внушительные письма от Союза писателей и Союза кинематографистов, из которых сразу становилось ясно, что ты не кустарь-одиночка, пытающийся что-то там разнюхать, а представитель могучего клана советской творческой интеллигенции, интересы которой игнорировать не так уж просто, а иногда и опасно...

Вот так-то! А говорят, что при советской власти все было плохо.

Хотя если попытаться четко воссоздать в памяти события прошлых лет, то в свое время два таких письма на роскошных бланках образца начала восьмидесятых так и не помогли Мартову попасть в «халявный» круиз именно на этот таинственный теплоход...

Но будем справедливы: кто тогда преградил путь беспартийного Мартова к трапу «Федора Достоевского», наплевав на те замечательные письма? Это была Коммунистическая партия всего Советского Союза в лице инструктора Ленинградского обкома товарища Исправникова. Более сокрушительной силы в то время не существовало. Не то что компартия нынешняя – жалкие лилипутские свары и тайные съезды на московских задворках.

Однако Мартову с чего-то нужно было начинать.

Ивлевы рассказали, что у сегодняшней России собственного государственного международного пассажирского флота нет. Все было разворовано и утрачено еще в начале девяностых. Осталось два судна, которые тогда буквально за копейки перешли во владение к двум очень неглупым мужикам, бывшим сотрудникам Министерства морского флота СССР – Юрию Филипповичу Краско и Льву Анатольевичу Берману. Они и создали частную морскую российскую туристическую компанию «Посейдон» и даже умудрились восстановить не только суда, одним из которых был «Федор Достоевский», но и стародавние партнерские отношения с такими знаменитыми на весь мир морскими круизными фирмами, как английская «RBI» – «Роял-бритиш-интернэшнл» и немецкая «Оушн-тур-райзен».

Мартов отыскал в компьютере московский рекламный сайт «Посейдона», выписал оттуда все телефоны фирмы и стал названивать в Москву. Назвал секретарям и помощникам руководителей фирмы несколько наиболее популярных фильмов прошлых лет, к которым он когда-то писал сценарии, представился автором пары своих самых шумных книжек, переизданных только в России раз по десять-пятнадцать, и наконец получил доступ к «главному телу». Им оказался один из совладельцев фирмы – Краско Юрий Филиппович.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.